

• СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ДЕТЕКТИВ •

≡ ГЕОРГИЙ ПЕРСИКОВ ≡

ДБЛО

Трех рубинах

САМОЕ ВРЕМЯ ЧИТАТЬ РЕТРО!

Старый добрый детектив

Георгий Персиков

Дело о трех рубинах

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Персиков Г.

Дело о трех рубинах / Г. Персиков — «АСТ», 2017 — (Старый добрый детектив)

ISBN 978-5-17-100431-6

Лето 1905 года. Южный Сахалин. Молодой доктор Георгий Родин вместе с братом, опальным разведчиком Борисом, в партизанском отряде штабс-капитана Гротто-Слепиковского героически сражаются против японских захватчиков. Однако благосклонная судьба снова дает храбрецам шанс. Военный министр извлекает из-под сукна разработку Бориса – план операции «Три рубина». Вместе со специалистом технической разведки красавицей Марией Очеретиной братьям предстоит отправиться в Европу, чтобы раздобыть артефакты, способные переломить ход Русско-японской войны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100431-6

© Персиков Г., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Георгий Персиков

Дело о трех рубинах

Издательство благодарит литературного агента Ирину Горюнову за содействие в приобретении прав.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Г. Персиков, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

Одиннадцатый год царствования императора Всероссийского Николая II был черен, как кусок антрацита. Как одеяние отрешенного от мира монаха. Как лютое горе. Как смертный грех. Лето 1905 от Рождества Христова несло жителям второй по величине мировой державы одни лишь беды, разочарования и тревоги. Становилось неустойчивым все доселе незыблемое – грозная слава русского оружия, потом и кровью завоеванные границы, да и власть самодержавная тоже. А ведь еще полтора года назад Российская империя приводила в трепет соседей ближних и дальних одним лишь своим названием, шагала вровень с мировым прогрессом, порой обгоняя его по хитрым тропкам, и была в меру счастливым государством. Глупость и алчность – плохие попутчики, особенно для самых сильных.

В Петербурге маленькую и победоносную войну хотели и ждали сановные советники государя. О необходимости нанести сокрушительный удар по зарвавшейся азиатской островной империи наперебой судачили в светских салонах и призывали с университетских трибун. Столичные журналы публиковали шапкозакидательские карикатуры, в которых бородатые казаки давали прикурить «макакам». В трактирах и чайных разглагольствовали о грядущих баталиях и скорой неотвратимой победе. Даже сам император в беседах с августейшими коллегами весомо произносил: «Укрепление и усиление России в Восточной Азии имею я как важнейшую задачу именно своего правления».

Однако все пошло вопреки радужным планам принуждения к капитуляции «желтозых япошек» в три месяца. Окончательно закрепить за собой, понимаешь, Маньчжурию и Корею, да обложить проигравших миллиардными контрибуциями – отнять у них китайское серебро, коим островитяне похвалялись десять лет назад. Вспомнились редкие трезвые аналитические оценки, предупреждавшие об опасности войны со стремительно прогрессирующей пятидесятиллионной державой в десяти тысячах верст от основных своих европейских баз. Неожиданно стали очевидны последствия военного союза Японии с Британской империей и тесного полувекового сотрудничества с Северо-Американскими Соединенными Штатами. Если подзуживание Лондона врагов России не выглядело чем-то новым, то откровенная враждебность американцев смутила многих российских либералов. Как же так, ведь столько взаимных симпатий высказывалось общественностью двух больших стран еще с екатерининских времен. И вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Внешнеполитические просчеты патриотической прессой объяснялись поначалу теорией заговора. Солидное «Новое время» тоже не осталось в стороне: «Нет сомнения, что без обеспечения Америки и Англии Япония не сунулась бы с нами в войну!»

Между тем даже само время было союзником микадо. Мощная эскадра под командованием славного адмирала Вирениуса с Балтики двигалась на Дальний Восток. Пара-тройка месяцев – и Россия получила бы основательное преимущество над флотом Японии. Поэтому островные самураи ждать у моря погоды не стали. На рейде Порт-Артура были внезапно торпедированы лучшие корабли русской Тихоокеанской эскадры.

А в ходе сражения у Чемульпо бессмертную славу завоевали крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец». Не так себе представляли начало войны с японцами петербургские стратеги. Один лишь адмирал Макаров во всеуслышание заявлял о превосходстве вражеского флота. Но и отважный флотоводец вскоре замолк – его броненосец «Петропавловск» подорвался на японских минах. Одновременно мощный десант противника взял с ходу Пхеньян, выйдя к китайской границе, а русский форпост Порт-Артур был взят в клещи с моря.

Слава и всеобщая поддержка сопутствуют лишь победителям. Многочисленные союзники Российской империи начали дружно изыскивать причины, по каким они не в состоянии исполнить свои обязательства, прописанные в договорах и секретных к ним приложениях. Франция поспешила объявить, что все обещания о взаимной помощи относятся

исключительно к европейским делам. Германия сделала вид, что прислушалась к оживленной общественной дискуссии, в ходе которой правая печать призывала помочь России, а левая, напротив, сыпала проклятия на «попирателей свободы последнего независимого азиатского государства». Кайзер Вильгельм же высказался, что-де неплохо бы русским помочь с расовой точки зрения, но предпочел все же сие оставить своим частным мнением. Через несколько месяцев бесплодного ожидания и жонглирования дипломатической перепиской даже самым упертым сторонникам всеевропейского монархического братства среди окружения Николая II стало ясно – помощи ждать неоткуда.

Дальше события развивались все пасмурнее и пессимистичнее. Японцы начали успешное наступление в Маньчжурии, споро продвигаясь через горы, реки и пески. Без боя был оставлен порт Дальний. Яростным натиском прорвана поспешно возведенная линия обороны на перевалах Волчьих гор. И спустя полгода непрерывной череды поражений Порт-Артур был взят еще и в сухопутную осаду. Российские войска перешли к героической обороне, заставившей проникнуться уважением к русскому солдату даже не очень-то впечатлительных японцев.

Столичная пресса пересказывала историю о метком стрелке из башкирцев, который на посту в кромешной тьме застрелил троих гусей, приняв их за вражеских лазутчиков. А уже на следующий день этот же невзрачный солдатик отбил раненого поручика и двоих своих контуженых товарищей у взвода японцев. И все это с одной лишь трехлинейкой, кою непатриотичные леваки уже начинали поругивать за худшую точность и кучность стрельбы в сравнении с японскими винтовками. Медаль и Георгиевский крест за сутки – вот как наши-то бьются! Имена лейтенанта Подгурского и троих охотников из Пятого полка стали знамениты на всю страну. Верный глазомер, крепкие руки, несколько мешков пироксилиновых шашек – и трех рот японских горных стрелков, уже праздновавших взятие укреплений, как не бывало! Чудобогатыри страдали от цинги, жили на хлебе и воде, но продолжали держаться, перемалывая в сражениях один за другим японские полки. Но такое не могло продолжаться бесконечно. Под Рождество Порт-Артур пал.

Японцы торжествовали. Это ничего, что их потери втрое превышали число убитых и раненых у русских. После долгой изоляции и уступок перед играющими мускулами белыми, Ниппон наконец-то снова занимала законное место на мировой арене, овеянная лучами славы. Царские генералы решили пустить в дело лучшие свои части – дивизии забайкальских и донских казаков. Семь тысяч всадников отправились в набег по тылам японцев в Маньчжурии. Почти две недели мчалась конница по степям да горам, рубя в капусту вспомогательные отряды и разрушая железные дороги и мосты. Всего четыре сотни людей потеряли казаки убитыми и ранеными – вот она, первая и такая долгожданная победа! Но не принес рейд долгожданного перелома в войне. Инженерные части японцев споро восстановили пути сообщения. А убитые... Что ж, самураи вспомнят о них потом, когда уже будут праздновать окончательную победу. Ничем завершилась и пехотная наступательная операция при Сандепу. Смелые атаки сибиряков обесценивались кухонной перебранкой генералов, которые никак не могли избрать общую тактику. Ударные отряды штурмом вышибали из укреплений японцев, но затем отступали, не дождавшись поддержки. Двенадцать тысяч жизней было отдано понапрасну только из-за того, что амбициозные русские военачальники так и не сумели меж собой договориться.

А новый год принес новые горькие поражения. Была проиграна трехнедельная битва под Мукденом, которая на тот момент стала крупнейшим сухопутным сражением за всю историю человечества. Подполковник Антон Деникин с горечью говорил, что во время того разгрома впервые в жизни увидел панику среди русских войск. Полностью была уничтожена сильная русская эскадра в яростном Цусимском бою – тоже самом крупном за все тысячелетия военной истории до того. Лишь четыре русских корабля из тридцати восьми смогли вернуться в родные порты. Могучая империя впервые за долгие годы почувствовала себя как боксер на ринге, пропустивший несколько сокрушительных ударов. А в довершение всех бед по всей

стране запылила самая настоящая революция. Народные массы восставали против векового угнетения и требовали справедливости. Потому, когда в июле японский десант высадился на Сахалин, немногочисленным русским частям на этом острове приходилось надеяться только на самих себя.

Полнокровная дивизия генерала Харагути Кэнся пересекла узкий перешеек между северной оконечностью Хоккайдо и южной Сахалина в начале июля. Десять пароходов неустанно мотались челноками, перевоза четырнадцатитысячное войско, артиллерию, припасы и многочисленных гражданских, которые должны были утверждать власть императора Муцухито на завоеванных землях. Берега залива Анива обагрились кровью. После короткого яростного боя русскими был оставлен пост Корсаковский. Попытка полковника Арцишевского закрепиться в селе Соловьевка оказалась безрезультатной. Несколько дружных атак под флагом Восходящего солнца – и сводный отряд защитников откатился далеко на север. Пятнадцатая Императорская дивизия походным маршем дошла до Владимировки, где без промедления начала строить укрепления – по реке Лютоге и на склонах окрестных сопков. По плану, разработанному Генеральным штабом в Токио, именно здесь со временем должна была расположиться столица новой префектуры Карафутто. А пока бывшей Владимировке, а ныне Тохаре, предстояло отстраиваться и перестраиваться.

С этого момента все боевые действия на Южном Сахалине начали вестись по тому же принципу, что и во время Отечественной войны. Однако материковые крестьяне на своих исконных землях бились с куда большим воодушевлением, нежели каторжане, взявшие в руки оружие, дабы обрести волю. Винтовки-то у них, чай, и так есть – какой же резон слушать офицеров да лезть под пули? Да и оккупационный корпус чувствовал себя на этой земле гораздо увереннее, чем наполеоновские войска в глубине континента. Те же сопки да непролазные леса, что и в Японии. Те же туманы и та же изнуряющая влажность. А с лесными разбойниками солдаты не церемонились – им был дан четкий приказ уничтожить всех, кто встретится за границами населенных пунктов. Потому налеты малых групп русских не оказывали на японцев ожидаемого воздействия. Враг был постоянно начеку. Вылазки же зачастую заканчивались гибелью всей команды смельчаков.

Отряд штабс-капитана Гротто-Слепиковского закрепился близ озера Тунайча. Отсюда было по сорок верст и до Владимировки, и до поста Корсаковского – достаточно близко, чтобы совершать рейды на япошек, но вместе с тем довольно далеко, дабы иметь возможность укрыться. Немалое значение имели и озера, богатые рыбой, – уж что-что, а голодная смерть партизанам не грозила. Кадровых военных в отряде было совсем немного. Основу его составляли охотники да жители немногочисленных сел южной оконечности острова. Сто девяносто человек, твердо решивших бить неприятеля, куда остается порох. Недаром военный губернатор генерал Ляпунов почитал сей отряд за наиболее боеспособный.

Именно у Гротто-Слепиковского и оказались братья Родины, полюбившие Сахалин не меньше своей родной средней полосы...

Часть первая

Глава 1

Солнце стояло в зените – ослепительно-белое, словно лампа в операционной. С неба на землю шел удушающий жар, с земли к небу поднималась выпаренная влага – и эти два потока схлестывались вокруг медленно бредущих по сахалинской земле людей.

«Бредущих и бредящих», – флегматично скаламбурил Георгий Родин, искоса глядя на брата. Борис, словно почувствовав взгляд, повернул голову в сторону.

– Бредущих и бредящих! – повторил молодой доктор, уже давно забывший о чистоте своего кабинета и белизне халата.

Борис усмехнулся – чересчур широко, чтобы это было искренне. Его когда-то выбритые до синевы щеки теперь обросли неровной бородой, а великолепные усы запылились и поникли. Из трещин на запекшихся губах сочилась кровь – и только зубы, белые и крепкие, были единственным, что осталось еще от облика того Бориса, молодцеватого и подтянутого. Георгий вздохнул – судя по взглядам, которые на него ронял брат, он и сам выглядел не лучше.

Да и не с чего.

Сколько они уже в этом партизанском отряде? Месяц? Два? Год? Дням уже давно потерян счет. Оружия мало, каждый патрон на вес золота – а они все кружат и кружат своим маленьким отрядом вокруг этого проклятого озера Тунайча, уходя от погонь, скрываясь от разведчиков, и неизвестно, когда закончится эта адская игра в прятки с японцами. «Помощь скоро придет», – сухо отвечает их командир, штабс-капитан Гротто-Слепиковский, поправляя сломанные на переносице очки, и эта краткая, отрывистая, словно выстрел, фраза заставляет их верить, что да – вот-вот, совсем скоро, подмога придет, и все закончится. Закончится хорошо. Но ведь вера в будущее и само будущее – немного разные вещи, не так ли?

Подосва старого, разношенного, не по размеру, сапога отошла, и Георгий на полном ходу запнулся о выступающий из-под земли корень.

– Да чтоб... – начал он, но тут же со свистом втянул воздух сквозь зубы. Не надо, не стоит, не уподобляться. Да, вокруг них с братом сейчас, за редким исключением, каторжники и ссыльные – неплохие ребята, сражающиеся за родину, и жуткие сквернословы, – но нужно помнить о воспитании. Человек всегда должен оставаться человеком. – Господи помилуй, – выдохнул он.

Они уже миновали ели и лиственницы, сомкнувшиеся глухой стеной – что стоило им ободранных рук и излохмаченной одежды, – и вышли к ивам, притулившимся у самой кромки озера. Кроме Георгия и Бориса этот путь от лагеря проделали еще четверо – жилистый и угрюмый силач Гриб, когда-то отрывисто бросивший в разговоре, что каторгу отбывал за грабеж с убийством; худой и высокий щипач Скляр, то и дело дергающий щекой в нервном тике; статный, даже в этих условиях держащийся с достоинством сам Гротто-Слепиковский и заросший волосами практически по самые глаза охотник Марк Карабанов – виновник их маленького путешествия.

– Вот тут, – Карабанов указал рукой, когда они взобрались на берег. – Вот тут я стоял и вон оттуда свет бил.

– Прямо-таки бил? – усомнился Борис, прикладывая ладонь к глазам. Резко выступающая в озеро коса, на которую указывал Карабанов, была от них в паре-тройке верст – не расстояние для опытного охотника, чтобы ошибиться.

– Вот как луч солнца, – закивал тот. – Оттуда – и аж вон дотуда доставал.

– Так может быть, это луч и был? – пожал плечами Борис. – Луна там... от озера отразилась, еще где-то преломилась, сфокусировалась, и...

– Чегой-то? – переспросил охотник.

Борис махнул рукой.

– Да не, не луна... – с сомнением сказал Карабанов. – Что я, луны не видал, что ли... Это разве как солнечный луч, когда сквозь тучи. Только яркий этакой...

Георгий задумчиво присел на корточки, набрал полную горсть сухой земли и медленно растер. Охотник, конечно, что-то путает. В здешних местах, да еще ночью, луч как от солнца? Нет. Но и Борис не лучше – какая луна, о чем он? Полнолуние еще неделю назад прошло. Георгий смотрел на то, как серая почва струится между пальцами, – и так же что-то струилось сквозь давно забытые события, что-то еще мысленно не оформленное, смутное, что так необходимо было припомнить именно сейчас...

– А может быть, ты... того был, а? – гулко щелкнув себя по горлу, хихикнул Скляр. – Луч и привиделся. Рядом с ним ангельской лестницы не было, а?

На угрюмой роже Гриба появилась издевательская ухмылка. Каторжанин с самого начала, как прибил к отряду, отчего-то невзлюбил охотника – и сейчас явно наслаждался его конфузом.

– Да откуда, – огрызнулся Карабанов. – Водка-то тут из-под земли не течет!

– А вдруг? – снова хихикнул Скляр. – Как свет бил, так и водочный ключ, а?

– Марк, – спокойно спросил штабс-капитан. – Ты точно уверен в том, что видел свет?

– Да вот истинный крест! – размашисто перекрестился охотник. – Господин штабс-капитан, да нешто я дурак али пьяница?

– Странно... – Гротто-Слепиковский почесал заросший подбородок. – Что же это могло быть?

– Карманный фонарь, – вдруг хрипло сказал Георгий. – Это свет флэшлайта.

Штабс-капитан резко повернулся к нему.

– Повторите, – потребовал он.

– Флэшлайт «Eveready», – Георгий поднялся с корточек. – Я как-то видел такой у одного американца. Небольшой... – он расставил руки на три вершка. – Вот с этой стороны лампочка, тут выключатель, так вот делаешь – и свет бьет. Далеко, как раз как солнечный луч.

– А источник энергии где? – словно с какой-то тайной надеждой, что Георгий ошибается, спросил штабс-капитан. – Откуда свет берется-то?

– Батарея, – коротко ответил Родин.

– Вот оно как... – покачал головой Гротто-Слепиковский. – Вот какая техника...

О самом главном, том, о чем уже догадался Георгий, он не сказал.

– Ну и что это значит? – с недоумением почесал затылок Карабанов. – Зачем лайт-то этот? Ну, светили и светили, и чего?

Штабс-капитан молчал, крепко сжав губы. Георгий отвел взгляд. Ему не хотелось произносить этого слова.

– Значит, предатель у нас... – вдруг все поняв, медленно протянул охотник. На его скулах забегали желваки.

– Скажешь тоже, – хрипло кашлянул Гриб. – Какой тут предатель? Из одной миски жрем, на одной земле спим. Предатель бы порешил всех, и все.

Охотник все так же медленно, как оживший языческий истукан, развернулся к каторжнику.

– А не ты ли, мил человек, сигнальчики-то подаешь? – вкрадчиво спросил он. – Чтоб япошки пришли да кишочки-то нам и наvertsели, а? И чего они тебе наобещали, узкоглазники-то?

Гриб молча размахнулся и врезал кулаком охотнику прямо посереде лба. Тот пошатнулся, но успел вцепиться в плечо охнувшего от неожиданности и крепкой хватки Скляра и, неразборчиво выругавшись, кинулся на Гриба.

Секунда – и они, сцепившись в клубок, глухо рыча, катались по земле. Остальные бросились их разнимать, отплевываясь от поднятой столбом пыли.

Над ухом Георгия раздался выстрел.

Клубок распался – и драчуны откатились друг от друга, тяжело дыша.

– Довольно, – рявкнул штабс-капитан. – Сейчас вы все предатели. И ты, – он повел револьвером в сторону Гриба, – и ты, – ткнул дулом в охотника. Нарушение дисциплины на войне – предательство. И пока доказательств нет – никого не подозреваем. Я потратил пулю, чтобы сказать вам это. И чтобы больше такого не повторялось, ясно?

– Но... – начал Карабанов, медленно вставая и потирая кровоточащее ухо.

– Никаких «но», – отрезал штабс-капитан. – Так. Ты, ты, – он ткнул пальцем в Гриба и Скляра, – и... – указал на Георгия, – вы. На разведку вон туда, где луч был. Все переберите, просейте, чтобы ни крошки не ускользнуло. Хоть какие-то следы, но должны были остаться.

– А я... – недоуменно вскинул голову охотник. – Это же я луч заметил.

– Да, и я ценю это. Но Родин знает, что нужно искать, а твои умения сейчас понадобятся нам вон в той роще.

Карабанов покорно кивнул – и маленький отряд разделился.

– Вот выдумщики какие! – восторгался Гриб, когда Георгий, как мог примитивно, объяснял ему принцип действия фонарика. – Вот бусурманы, а могут ишь что придумать! И какое-то падло им япошек на нас наводило, – тут же посмурнел он.

Георгий только пожимал плечами. Жара одолевала его, кроме того, они несколько минут назад на ходу впечатались в столб мошкеры, и отдельные кровососы до сих пор преследовали их, нещадно жала и забивая нос и рот. Да и приказ штабс-капитана нарушать он был не намерен – нечего разводить тут подозрения.

– Вот иуда, – тем не менее не успокаивался Гриб. – Как он мог Расею-матушку предать? Ведь она кормит нас, поит... Как ее можно не защищать?

– А она нас сейчас сильно защищает? – подал голос до того молчащий Скляр. – Сидим тут оборванные, как босяки последние, жрать нечего, пьем тухлятину, а подмоги все нет и нет.

– Да ты ничего не понимаешь, – насутился Гриб. – Штабс-капитан же сказал: «Скоро придут».

– Штабс-капитан еще месяц назад обещал помощь. Откуда она, из Москвы пешком бредет? Вот твоя помощь! – Скляр показал Грибу ловко скрученную фигу.

Грабитель оскалился и сжал кулаки.

– Прекратите, – зло прикрикнул Родин. – Лучше под ноги смотрите внимательнее, я же не могу один за всех искать.

Гриб вздохнул и уставился на землю.

Минут десять назад они вышли на маленькую полянку, поросшую костяникой, и Георгию стоило больших трудов удержать каторжан от набивания пуза ягодой. «Вот столечким временем», как те клятвенно обещались, дело бы не обошлось – там минут десять, там пятнадцать, а потом еще полчаса сидения в кустах со спущенными штанами – о, Родин знал эту коварную особенность сахалинской костяники, сожранной горстями на пустой желудок! Штабс-капитан настоятельно попросил их не задерживаться, да Георгий и сам чувствовал, что время в последние дни дорогого стоит. Японцы обнаружили их маленький отряд и теперь только сильнее сжимали кольцо, перекрывая пути отступления и не давая вырваться. Поначалу враги не торопились – знали, что рано или поздно голод, жара и отчаяние заставят русских бородачей самих броситься на штыки, – но, видимо, что-то произошло на фронте, и теперь японцы просто хотели покончить с назойливыми партизанами, сидевшими в лесу, как больной зуб.

– А давайте уйдем, – вдруг предложил Скляр.

– Куда? – криво усмехнулся Родин. – Тут японцы вокруг вообще-то.

– Вот как раз к ним и уйдем, – осторожно сказал карманник.

– Нет, я не пойду, – мрачно ответил Гриб. – И тебе не советую.

– Вы не понимаете, – затараторил, суетясь, Скляр. – Здесь нам верная смерть. Перемерем все ни за понюшку табаку. Расея-матушка, говорите? Бросила нас матушка, плевала на нас полным харчком. Я еще до каторги слышал, как люди говорили, что японцы – благородные, у них честь есть, у них...

– Тогда зачем им люди без чести? – пробормотал Родин, но Скляр его не услышал, продолжая сбивчиво лепетать:

– Мы же все равно ничего не знаем! Они это сразу смикитят и даже пытаться не будут. Зачем нас пытаться, если мы никто? А захотят, чтобы мы на их сторону встали, так чего бы и не встать, раз мы тут никому не нужны, мы же...

– Кровь пушу, падлю! – внезапно взревел Гриб и выхватил нож. – Пришью иуду!

Скляр тоненько пискнул и прижался спиной к деревцу.

– Пришью, пришью! – как заведенный повторял Гриб, нависая над бывшим товарищем. – Ни нашим, ни вашим! Затемню насмарку, варнацкое слово на варнацкую честь!

Скляр дернулся, и его штаны в районе паха внезапно потемнели. Резко запахло мочой.

– Оставь его, – устало сказал Георгий.

Гриб угрюмо воззрился на него, словно под низким лбом, скрытым шапкой жестких спутанных волос, заворочалась мысль: «А что, барин-то тоже из сучек?»

– Не надо, – повторил Георгий, на этот раз веско и с нажимом. – Его судьба. Его дорога. Сам выбрал.

Гриб начал медленно кивать в такт мерно падающим словам.

– Дай, – Георгий протянул руку и осторожно, словно общаясь с диким зверем, вывернул нож из побелевших от напряжения пальцев каторжника. – Пусть идет. Не нам решать.

Увидев, что опасность миновала, Скляр тихо всхлипнул и опрометью, поскользываясь и запинаясь о кочки, бросился бежать прочь. Георгий долго смотрел ему в спину, а потом вернул нож уже пришедшему в себя Грибу.

– Зря вы, барин, – хрипло сказал тот, покачав головой. – Сами ему душу-то и сгубили. Предателем теперь будет. Я ж ему только лучше хотел. Э-эх...

Родин ничего не ответил.

Глава 2

Над партизанским лагерем повисла темная июльская ночь. Было тепло, от озера тянуло сыростью и соленым морским духом. Братья Родины едва слышно шептались, привалившись к земляной насыпи перед окопом. Здесь, на берегу Тунайчи, партизаны устроили импровизированную крепость. Много дней вчерашние ссыльные копали рвы, насыпали редуты, пилили бревна для устройства блиндажей. Никогда бы им не осилить такую работу, не будь рядом Гротто-Слепиковского. Неутомимый капитан, сухой и крепкий, не покидал строительство фортификаций ни на минуту, командовал, объяснял, даже помогал, когда надо. Равнодушный к косым, злобным взглядам и к крепким ругательствам каторжан, которые все не могли смириться с тем, что и на войне их заставляют рыть все ту же осточертевшую сахалинскую землю, он разрешил прекратить работы только тогда, когда окопы были достаточно глубоки. Теперь усердие капитана должно было сослужить защитникам крепости хорошую службу.

Несмотря на духоту, оба брата были в застегнутых на все пуговицы гимнастерках, а фуражки натянули по самые глаза. Таким образом хоть немного удавалось защититься от полчищ комаров, которые наполняли воздух противным звоном, изводя любое живое существо, попавшее в их владения. Георгий в очередной раз шлепнул себя по шее, задумчиво скатал между пальцев маленький комочек и тихонько попросил брата:

– Расскажи еще раз про маму, как на тройке катались...

Борис по офицерской привычке подкрутил отросший бесформенный ус. Даже сейчас, грязный и лохматый, он скорее напоминал шиллеровского благородного разбойника, чем сахалинского ополченца.

– Да что рассказывать... Каждые Святки катались. На санях, по речке прямо, самую быструю тройку брали с кучером лихим и... э-эх! Отец никогда с нами не ездил, а она сажала нас к себе под шубу, чтобы не мерзли, меня с одной стороны, Севу – с другой, так что только носы наружу торчали, и смеялась все, смеялась... Любила матушка прокатиться, последний раз тобой была беременна, а все равно поехала. И глаза у нее, как у тебя, были – зеленые, с чертиками.

Родин, не знавший матери, которая умерла при родах, одновременно дав ему жизнь, слушал, затаив дыхание. В глубине зеленых глаз скользнула светлая тоска, словно брат рассказывал ему о далекой волшебной стране, где Георгий не бывал и никогда не побывает. Борис замолчал и, вглядываясь в ночную тайгу, принялся меланхолично разжевывать полоску сушеной медвежатины. Эта презентованная Карабановым сахалинская охотничья закуска, возможно, и являлась, как тот уверял, крайне питательной и полезной для желудка, только здорово отдавала зверем и была жесткой, как сапожное голенище. Наконец он с трудом сглотнул и досадливо заметил:

– Да уж, это тебе не нянюшкины блинчики...

Георгий потянулся, хрустя суставами, коротко зевнул и, мечтательно улыбаясь, поддержал брата:

– Эх... Что тут говорить. Я бы сейчас навернул бы блинцов от Клавдии Васильевны, да с крыжовенным вареньем. И...

– Чу!..

Старший Родин коротко ткнул брата локтем в бок и прижал палец к губам. Впереди, на самой кромке тайги, кто-то ворочался в непролазной куче валежника. Братья замерли с винтовками в руках, но через пару секунд хруст сучков повторился, в этот раз сопровождаемый глухим хрюканьем.

– Кабан, – вполголоса заметил Георгий. – Матерый. Хоть мяса свежего поесть. Сейчас я его...

И Родин, жмуря глаз, принялся половчее прилаживаться к нескладной винтовке. В ображке, где хрустел валежник, уже начал скапливаться предрассветный туман, и кабана совершенно не было видно. Для такого опытного стрелка уложить зверя, ориентируясь только на слух, было несложной задачей, но Борис, недовольно скосив глаза, тихо скомандовал:

– Отставить стрельбу. Ты, Енька, сейчас такой шум наведешь, что со всего Сахалина самураи сбегутся. Вот-вот должны вернуться разведчики, которых капитан к Быкову в Дубки посылал. Если принесут от него хорошие новости – немедля двинемся навстречу его отряду. Побыстрее бы. Ох, чует мое сердце, на рассвете жди гостей заморских.

Но время шло, а разведчики все не возвращались. Близилось утро, густой туман забрался в каждую ямку, наполнил сыростью окопы. Заметно посвежело, и в партизанском лагере стало оживленней. На своих позициях зевали и чихали каторжники, слышались обрывки разговоров полупшепотом, приглушенная брань. Вдалеке у озера, невидимые за пеленой тумана, тревожно всхрапывали лошади.

Вот уже сменился караул, озябшие часовые полезли спать в блиндаж, но братья уходить не захотели. Все ожидали внезапной атаки, и разговоры вокруг велись только на одну тему: «Все пропадем, бежать некуда», уснуть в такой атмосфере все равно было невыносимо. Дозорные вглядывались в туман, уже не замечая жалящих комаров. Наконец солнце пробилось сквозь маленькую серую тучку над горизонтом и мазнуло оранжевым еловые макушки. В этот момент вновь захрустел валежник. Георгий, уставился на кромку леса, пытаясь понять, был ли звук на самом деле или приснился ему в секундном сне. Но хруст повторился, и из леса в лагерь полетел по широкой дуге какой-то круглый предмет.

– Бомба!

Борис впечатал брата лицом во влажную землю насыпи и сам рухнул сверху. Все криво стриженные каторжные головы разом исчезли в окопах, но предмет, упав, лишь глухо шмякнулся оземь и, прокатившись немного, замер. Не дождавшись взрыва, Георгий спихнул с себя старшего брата, сплюнул и уставился на подброшенный подарок, не веря своим глазам. «Это просто галлюцинация, вызванная нервным истощением», – подумал молодой врач.

Но нет, перед укреплениями и вправду лежала отрубленная человеческая голова. Несмотря на искаженные ужасом черты, ее хозяина легко можно было опознать. Над лагерем прокатился вздох. Каторжанин Гриб, где-то уже успевший хорошенько принять на грудь для боевого духа, не смог удержаться и вылез из окопа. Крепкий и корявый, словно еловый пенек, вихлявой пьяной походкой он подошел к отрубленной голове.

– Ну что, Скляр, сбегал до японцев? – спросил он и пьяно хихикнул.

В этот момент все потонуло в свисте, грохоте и гуле. Поднялись в воздух фонтаны земли, а с деревьев посыпались ветки. Японская артиллерия дала еще два залпа и смолкла. После того как наконец осела пыль, Родин встал со дна окопа и осмотрелся – посреди лагеря зияло несколько воронок, а от Гриба остался только одиноко стоящий стоптанный сапог.

Всеобщее оцепенение прервал голос Гротто-Слепиковского:

– Занять оборону! Патроны беречь! Приготовиться отражать атаку неприятеля!

Партизаны, словно проснувшись, принялись лязгать затворами и занимать позиции на земляных редутах и насыпях. В окоп к Родиным спрыгнуло несколько ополченцев, в том числе и охотник Марк Карабанов, деловито проверявший свою винтовку, бормоча что-то себе в бороду. Истомившись тревожным ожиданием атаки, теперь все пребывали чуть ли не в радостном возбуждении от скоро предстоящей схватки. Солнечные лучи разогнали последние клочки тумана, и видимость значительно улучшилась. Теперь можно было легко различить мелькавшие среди темных еловых лап мундиры песочного цвета. Сквозь звон, оставшийся в голове после обстрела, стали слышны короткие, карикатурно грубые окрики японских сержантов, подгонявших продирающихся через бурелом солдат. Каторжник, занимавший позицию рядом с Родиным, осклабился, демонстрируя недостаток зубов:

– Эвона, как собаки брешут!

Остальные хохотнули в ответ. Сахалинские каторжники, охотники и вольнопоселенцы, составлявшие партизанский отряд, были люди сплошь, по материковым меркам, лютые. Видавшие смерть, многие убивавшие сами. После жизни на каторге их тяжело было испугать даже адом. Вместо страха они находились в предвкушении того, как всадят наконец в подлого противника, осыпавшего их снарядами, пулю или штык.

– Без команды не стрелять! – тихо скомандовал Гротто-Слепиковский и поднял левую ладонь в перчатке. На насыпи заерзали, прицеливаясь. Пальцы напряглись на спусковых крючках. Первые японские солдаты, опасливо пригнувшись, уже показались из бора, стали видны одинаковые усы подковкой, короткие винтовки с примкнутыми штыками. Часть нападавших застряла в куче валежника, другие медленно шлепали по болоту. Задние наперли на передних, откуда-то с тыла офицер спешно принялся раздавать гневные указания, и в этот момент капитан резко опустил руку и крикнул:

– Пли!

С редута грянул дружный залп. Все заволочло дымом. Первая линия японского десанта упала, кто ничком, кто навзничь, вторая сильно поредела. Оставшиеся залегли на границе елового бора и бегло отстреливались. Пули зашлепали об насыпь. Защитники лагеря отвечали редкими выстрелами, патронов оставалось по двадцать штук на брата, мазать было нельзя. Внезапно Борис хлопнул младшего брата по плечу:

– Енька! Туда смотри!

Там, куда указывал Борис, Родин разглядел японский пулеметный расчет, волокущий свое тяжелое орудие по заболоченному склону сопки. Георгий коротко кивнул в ответ и взял пулеметчиков на прицел. Сощурил зеленый глаз, набрал в легкие воздуха, выдохнул немного и плавно нажал на спуск. Один из японцев споткнулся и покатился вниз. Второй спрятался за пулеметный щиток и принялся торопливо заправлять ленту. Родин выстрелил еще раз – пуля ударила о металл. Еще выстрел – снова промах. Георгий сжал зубы от досады.

Японец, с трудом совладав с лентой, выпустил длинную косую очередь по окопам. Раздались крики и стоны раненых. Родин снова прицелился, изо всех сил стараясь сконцентрироваться, но в этот момент пулемет затих. Чья-то пуля угодила японцу в глаз, невероятным образом попав в прицельный просвет пулеметного щитка. Георгий удивленно покрутил головой в поисках волшебного стрелка и увидел, как с соседней позиции ему подмигивает заросший волосами, словно леший, Карабанов.

Охотник хотел что-то сказать, но в этот момент получил пулю в затылок, ткнулся лицом в стенку окопа и сполз на дно. Японцам удалось проплыть в Тунайчу с моря через узкий пролив, и теперь два баркаса, заполненные солдатами в песочной форме, заходили со стороны озера в тыл партизанам, поливая их свинцом. Но у Гротто-Слепиковского уже был готов ответ – не прошло и полминуты, как на северном редуте возник пулемет «Максим» – единственный козырь отряда.

Короткими, экономными очередями каторжане обстреляли ближнее суденышко. За борт с криком полетели несколько десантников, и баркас, потеряв управление, заюлил на месте. Второе судно, не дожидаясь участи товарищей, поспешно скрылось за мысом.

Японцы, отчаявшись взять укрепления лобовой атакой, отступили под матерные крики партизан. Но не успели защитники обрадоваться маленькой победе, как на лагерь вновь обрушился артиллерийский обстрел. Взрывы уничтожили весь правый фланг укреплений. Снаряд разворотил один из блиндажей, толстые бревна веером торчали из земли. Что случилось с сидевшими внутри ранеными и женами вольнопоселенцев из отряда, лучше было не думать.

Когда обстрел наконец закончился, Георгий сидел на земле и пытался отряхнуть от грязи звенящую, словно медный чан, голову. Борис подошел и что-то прокричал брату прямо в лицо,

потом снова и снова. Родин помотал головой, прогоняя лишние звуки. И только с четвертого раза разобрал:

– Енька! Стрелять перестали, сейчас в штыки пойдут! Винтовка твоя где?

Георгий что-то промычал в ответ и принялся выкапывать из-под осыпавшейся земли свою заветную «мосинку», подарок матросов с крейсера «Новик». Из леса, изредка постреливая, наступали японцы, их было не менее двухсот человек. Партизаны же к тому времени потеряли убитыми четверть отряда, а из оставшихся каждый второй был ранен. Несмотря на это, отсиживаться в окопах – верная смерть, нужно было прорываться из окружения. Гротто-Слепиковский взвел курок револьвера и, перекрестившись, скомандовал:

– За мной, братцы! Вперед! Ура!

И, спрыгнув с насыпи, устремился навстречу врагу. Его поддержало пять десятков каторжных глоток, и над сахалинской тайгой разнеслось басовитое грозное: «Урра-а-а!» Из тайги с криком «Банзай!» хлынули японские десантники.

Две силы сшиблись на опушке леса. Высокие плечистые русские, снаряженные берданками и тяжелыми, длинными винтовками Мосина, лучше подходившими для штыковой атаки, поначалу стали одерживать верх. Они буквально смели первые ряды низкорослых япошек, словно северные великаны в битве с мелким лесным народцем. Каторжники стреляли, кололи, крушили черепа врагов прикладами в битве за жизнь и свободу. Но численное превосходство постепенно дало о себе знать – из тайги прибывали все новые и новые солдаты, и скоро у каждого русского было по четыре противника. Вновь грохнула артиллерия, в лагере начали рваться снаряды, отрезая путь к отступлению. Ожил и снова застучал пулемет, брошенный на склоне сопки.

Гротто-Слепиковский в упор выпустил последнюю пулю, свалив с ног нападавшего десантника, отбросил в сторону ставший бесполезным револьвер и потянул из ножен кортик. Но в этот момент сзади грохнуло, и отважный капитан, иссеченный осколками, повалился в заросли папоротника.

Братья Родины, стараясь подороже продать свои жизни, спина к спине отражали атаки десятка японских солдат. Патроны давно кончились, штык был сломан, поэтому Георгий орудовал винтовкой как дубиной, не подпуская к себе врага на расстояние укола штыком. С тыла его прикрывал Борис, вооруженный трофейной японской саблей. Солдаты прыгали вокруг этой смертоносной мельницы, пытаясь взять на мушку опасного русского. Но тут среди партизан пронеслась весть: «Капитана убило! Убило капитана!» Это известие подорвало дух оборонявшихся, и они начали бросать оружие на землю, поднимая руки. Японцы сомкнули кольцо вокруг оставшихся в живых защитников крепости.

Все было кончено.

Глава 3

Японцы, словно суетливые желтые муравьи, заполнили лагерь. Они деловито обшарили окопы и блиндажи в поисках выживших. Кругом звучали грубые окрики, стоны раненых и редкие выстрелы. Братьев Родиных, в числе прочих понурых, грязных и окровавленных, со связанными за спиной руками партизан, погнали на берег Тунайчи. На пленных презрительно покрикивали, а особо медлительных пихали прикладами.

Каторжники устало огрызались, но брели вперед. Слишком много выпало на их долю, и теперь, когда все было потеряно, огонь, придававший им сил к борьбе, угас, а в глазах не было ничего, кроме обреченности. Борис Родин, напротив, отчаянно выискивал возможность для побега. Он достаточно хорошо понимал японский и из разговоров солдат догадался – если ничего не предпринять в ближайшие минуты, то живыми им уже не уйти. Борис лихорадочно шарил вокруг единственным зрячим глазом. Второй заплыл ужасным кровоподтеком после того, как бывшего офицера попытались связать японские солдаты. Получив несколько мощных ударов, они обозлились и угостили его прикладом винтовки.

Теперь, когда избежать плена не удалось, нужно было найти хоть какую-то зацепку, любую надежду на спасение. Если неприятель узнает, что к нему в руки попал человек, еще совсем недавно носивший мундир полковника секретного отдела русской разведки, то тогда уж лучше сразу кинуться грудью на штык, потому что иначе не избежать многочасовых допросов и пыток, в которых азиаты были большими мастерами.

Пленных тем временем уже вывели на берег и строили шеренгами, подготавливая к допросу. К ним, важно вздернув нос, вышел японский офицер. Кривоногий потомок гордых самураев ежесекундно вытирал от пота свое круглое, как достопамятный нянюшкин блин, лицо и тяжело дышал. Было видно, что злоба распирает его, словно кипящий чайник. Еще бы ему было не злиться, командование приказало проучить партизан, донимавших своими вылазками десантный корпус, но эта простецкая с виду операция против шайки лесных разбойников обошлась чуть ли не в четверть батальона убитыми и ранеными. Теперь эти грозные противники, доставившие столько неожиданных хлопот, стояли на прибрежном песке жалкие и оборванные, многие были контужены, ранены и истекали кровью. Но офицера это, казалось, ни капли не смущало. Он раздраженно пошевелил черной щеточкой усов и в нетерпении прикрикнул на пленных, коверкая на свой лад русские слова:

– Субаяку! Быстро, быстро! Быстро стройся, гайдзин!

Услыхав, что офицер говорит по-русски, Георгий Родин немедленно встрепенулся. Несмотря на то что в последний год в его руках чаще оказывалась винтовка, а не стетоскоп или скальпель, Родин в первую очередь оставался врачом, который чтит клятву Гиппократу не меньше воинской присяги. Молодой доктор не мог спокойно смотреть, как страдают от ран его боевые товарищи, и при первом же случае, поравнявшись с надутым и красным, как индюк, распаренным от жары японцем, немедля обратился к нему:

– Я врач и требую, чтобы вы позволили мне оказать пленным первую медицинскую помощь. Вы офицер японской императорской армии и обязаны соблюдать кодекс обращения с военнопленными!

В ответ японец расхохотался, ощерив мелкие крысиные зубки и схватившись за стянутый портупей живот. Наконец, отсмеявшись, он ответил, надменно скривив рот:

– Ты сильно глупый, русико доктор! Этот гайдзин не военный. Где их мундир? А? Это обычный вокоу, разбойники! Бандиты! Им не нужен твой помощь, потому что по приказу императора Мэйдзи их ждет расстрел! Глупый доктор хочет лечить мертвецов! Ха-ха-ха!

Но новый приступ смеха длился недолго, потому что Родин, стиснув от ярости зубы, поддел своим рваным сапогом кучку песка и ловким движением отправил его прямо в красную смеющуюся физиономию. Японец взвыл от ярости, отплевываясь и вытирая слезящиеся глаза:

– Ааарр! Глупый доктор! Ты за это заплатишь! Я сразу увидел, вы оба не похожи на разбойник! Вы похожи на шпион! Вы не умрете так просто, как остальные гайдзин, сперва я проведу специальный допрос! О, у меня есть пара способ, как развязать любые языки!

Он что-то коротко гаркнул солдатам, и братьев, предварительно хорошенько отдубасив, потащили в сторону единственного уцелевшего блиндажа, где через несколько мгновений бросили в сырую, пахнущую землей и порохом тьму. Сзади хлопнула тяжелая деревянная дверь.

Родины остались вдвоем. Борис с трудом сел, привалившись к стенке так, чтобы не мешали связанные руки, и ухмыльнулся разбитым ртом:

– Да, Енюха, столько колотушек я со времен военного училища не получал. А впереди еще что похуже ждет.

В подтверждение его слов, со стороны озера раздался ружейный залп, затем еще один. Георгий пожегся. Перспектива оказаться в руках японских мастеров пыточных дел была не самой приятной. Нужно действовать срочно, пока солдаты заняты на берегу.

Судя по голосам, возле двери блиндажа остались дежурить всего двое пехотинцев с винтовками. Это шанс, и его нельзя упустить. Но что же предпринять? Нужно как-то заставить стражу открыть дверь и войти внутрь, а дальше уже придется действовать наудачу. Неожиданно Родину вспомнился случай из его медицинской практики, произошедший в старокузнецкой больнице незадолго до его командировки на Сахалин. Врач усмехнулся и пробормотал:

– А что, может сработать... Да-да...

Борис удивленно взглянул на брата:

– Неужели придумал чего?! Давай выкладывай, у тебя с детства голова из нас троих самая светлая была.

Георгий наклонился к уху Бориса и быстро зашептал. Тот слушал затаив дыхание, потом пару раз тихонько хохотнул и сказал: «Ай да Енька!» Георгий закончил и толкнул брата плечом:

– Ну что, понял?

Тот кивнул в ответ.

– Тогда с Богом! Была не была!

И Борис немедля принялся голосить, словно базарная бабка, у которой цыгане увели поросенка:

– Ой, батюшки! Что же делать-то?! Помогите! Брат помирает! На помощь!

Георгий, подыгрывая, принялся сипеть, хрипеть и сучить ногами, виртуозно симулируя асфиксию. Это было несложно, поскольку эти симптомы молодому врачу были прекрасно известны. Солдаты, которым был дан приказ сохранять пленникам жизнь, чтобы ненароком не лишиться своего командира удовольствия провести «специальный допрос», немедленно открыли дверь и, выставив вперед штыки, шурились в темноту, непрерывно тараторя что-то вопросительное. Борис обратился к ним с мольбой на нарочито ломаном японском, мешая его с русскими словами:

– Помогите, родненькие! Брат перстень золотой хотел проглотить, чтобы на допросе не нашли, а он возьми и застрянь у него в горле! Здоровый, сволочь, фамильный, с камнем! Помогите достать, а то у меня руки-то связаны. Не губите брата!

Георгий с готовностью захрипел, замотал головой и встал на корточки. При слове «золотой» солдаты переглянулись с интересом, и один из них, поставив винтовку к стене, отстранил рукой Бориса, чтобы поглядеть на злополучную фамильную драгоценность. В этот момент Георгий резко разогнулся, как пружина, и боднул охранника в живот вихрастой головой. Японец, крикнув, отлетел, словно кегля, ударился о бревенчатую стену и обмяк. Старший Родин

тем временем одним ударом ноги выбил у оставшегося противника винтовку, а другим врезал ему снизу в челюсть. Солдат рухнул на земляной пол и затих.

Братья ловко перерезали свои пути штыками винтовок и, прихватив оружие, по-пластунски выползли из блиндажа. Кругом тихо, видно, все враги наслаждались зрелищем казни несчастных ополченцев. А до густого леса – рукой подать.

Георгий на секунду замер на опушке, с комом в горле вглядываясь, как на берегу методично шел расстрел его недавних однополчан. Борис положил ему руку на плечо:

– Пойдем. Им уже не помочь. Нужно спешить, пока не хватились.

Родин рассеянно кивнул, и они тяжелой рысью двинулись вдоль опушки, оглядываясь всякий раз, когда под ногами хрустел случайный сучок. Но далеко уйти не успели.

На первой же поляне беглецы столкнулись нос к носу с красномордым усатым офицером, который выходил из-за куста, поправляя португеею. Борис мгновенно вскинул винтовку, собираясь угостить врага свинцом, но его младший брат положил руку на ствол и молча покачал головой – выстрел неминуемо привлек бы внимание солдат, суетившихся на берегу не более чем в ста шагах от поляны.

Вместо этого Георгий шагнул вперед, держа короткую японскую винтовку двумя руками, словно посох для палочного боя. В памяти всплыли уроки драки на палках, данные юному Женюсику его суровым дедом Григорием Евдокимовичем на заснеженном дворе родинского дома. Даже фантомно заныли синяки и ссадины, оставленные когда-то клюкой его неумолимого наставника. Японец ослабил и изящным, отточенным движением, неожиданным для пухлого коротышки, извлек из ножен катану, великолепной работы бритвенно-острый меч с гардой, богато украшенной красными кистями:

– А-а-а-а... Снова ты, глупый иши-доктор! Ты уже надоедай мне! Теперь готовься встретить смерть. Я убью тебя оружием моих предков во славу императора! Ассс!

Потомок самураев сделал стремительный глубокий выпад, так что Георгий едва успел парировать, подставив винтовку. На винтовочном ложе осталась глубокая зарубка, доставшая аж до железа. Родин покачал головой и снова встал в защитную стойку. В этот раз, когда офицер неожиданно атаковал, широко махнув мечом сбоку, параллельно земле, он уже был готов к обороне.

Георгий резко присел, словно в русской плясовой, так что меч только просвистел у него над головой, срезав пару каштановых прядей, и одновременно коротко ткнул противника прикладом в колено. После этого Родин, выпрямившись и чуть отступив в сторону, полоснул штыком по руке, сжимавшей меч. Японец взвизгнул и выронил оружие. Русский боец спокойно смотрел, как его противник, тяжело дыша, попятился, неловко принялся здоровой левой рукой тянуть из кобуры упрямый револьвер, словно позабыв про то, что это оружие считалось «бесчестным».

– Это тебе за погубленные христианские души, за моих боевых товарищей! – процедил сквозь зубы Георгий и обрушил на широкое лицо офицера винтовочный приклад.

Братья неслышно, словно июльский ветерок, скрылись в тайге. Путь предстоял неблизкий: обойти Тунайчу по восточному берегу и до темноты преодолеть по тайге почти пятьдесят верст, чтобы попытаться разыскать партизанский отряд капитана Быкова на условленном месте встречи.

Солнце стояло в зените, превращая сахалинскую тайгу в душную влажную баню. От болот поднимались гнилые испарения, а от полчищ слепней и гнуса просто спасу не было. Беглецы с трудом волочили ноги. Ужасно хотелось пить, после бессонной ночи, боя и туманов японских солдат болело все тело. Но близость погони заставляла братьев поторапливаться, лезть через склон новой сопки, форсировать очередное зловонное болото.

А преследователи уже наступали на пятки. Японские разведчики, под видом гражданских год за годом проникая на остров, успели прекрасно изучить местность, а благодаря муштровке

специалистов искусства ниндзюцу через тайгу двигались бесшумно и стремительно, словно тени.

Перед темневшим впереди еловым бором братья остановились перевести дух, тревожно вглядываясь в заросли. Внезапно с верхушки гигантской стройной сосны заухал филин. Через мгновение, будто в ответ ему, из кустов неподалеку захрюкал кабан. Несколько секунд тишины, и снова уханье филина. Борис чертыхнулся и пальнул с колена в зеленую сосновую крону. Оттуда с отчаянным криком свалился в кусты ежевики «филин», одетый в зеленый маскировочный костюм. Из тайги зазвучали ответные выстрелы – это вслед за разведчиками беглецов настигали пехотинцы императорской армии.

Глава 4

Вскоре начало казаться, что японцы палили со всех сторон. Пули то и дело расщепляли кору, срезали тонкие ветки, свистели над головами. Борис отшвырнул бесполезное ружье – и через минуту, сделав три последних выстрела, ругнувшись, так же поступил и Георгий. Их теснили из леса на открытое место, загоняли, как диких зверей...

Георгий крутил головой, пытаясь высмотреть хоть какое-то убежище. Поваленное дерево, старая медвежья берлога, волчья нора – сойдет все, что угодно, пусть грязное, вонючее, затянутое паутиной и плесенью. Главное – притаиться, чтобы пропустить мимо японский отряд. Пусть уйдут дальше, минуют их – хотя бы на версту, а там уже можно затеряться в лесу, смешать свои следы со следами японцев...

– Сюда, – шепнул он Борису, махнув рукой. – Голову пригни.

Колючий кустарник тесно переплел гибкие ветви, в которых запутались полувысохшие тушки неосторожных птиц, прошлогодняя листва, клочки шерсти кого-то неповоротливого. Но внизу, почти у самой земли, был небольшой – с локоть в диаметре, не больше – лаз. Трава там была примята, на ветках свежие и застаревшие сломы – там явно кто-то пробирался, и не один раз.

– Застрянем, – тихонько пробормотал Борис, неуверенно качая головой. – И нас тут же и повяжут.

– Голова пролезет – все пролезет, – преувеличенно бодро отозвался Георгий. Правда, еще по детскому опыту он помнил, что так получалось далеко не всегда, но терять было нечего.

Острые шипы разрывали ветхую одежду и кололи тело, колени и локти погрузились в вязкую грязь – вода скапливалась у корней кустарника годами, и солнце никогда не заглядывало сюда, чтобы хоть чуть-чуть просушить почву. Поскальзываясь, Родин рванул вперед, чтобы поскорее проскочить кустарник и выбраться с другой стороны, но тут же зашипел от резкой боли в шее и голове, прикусив губы, чтобы не заорать на весь лес. Колючие ветки впились в волосы и бороду, намотали на себя и теперь держали крепко, как самый лучший капкан. Любое движение причиняло адскую боль.

– Ну же, – нервно зашептал за его спиной Борис. – Давай же, вперед.

Родин изогнулся, нащупывая на поясе ножны. О том, чтобы ломать держащие его ветки голыми руками, нельзя было и помыслить – острые шипы изодрали бы кожу до мяса. Вытащил нож, резко, с оттяжкой полоснул, не разбирая, ветки или волосы. Раз, два...

– Ну! – Борис нетерпеливо толкнул его в спину.

Выстрелы раздавались уже совсем близко. Родин зажмурился – и резанул еще раз, одновременно резко кинув тело вперед. Кожу головы ожгло болью, но он уже выкатился с другой стороны кустарника, вымазавшись в глине и набрав на себя мокрую труху.

– Пригнись, – зашептал он Борису. – Голову руками прикрой, натяни что-нибудь!

Борис кряхтел и чертыхался, иногда ойкая от боли, но, кажется, совет брата ему помог. Во всяком случае, он выбрался из кустов без особых потерь.

– Ну? – буркнул он, отплеываясь. – И чем тут лучше? Только время потеряли.

Георгий покачал головой. Кажется, он просчитался – с той стороны ему казалось, что это хорошая идея, что за кустарником начинается бурелом, в котором можно будет затаиться. Но вместо бурелома была всего пара-тройка поваленных деревьев, трухлявых и слишком тонких для того, чтобы за ними спрятаться.

– Ничего... – неуверенно сказал он. – Зато они наши следы потеряют.

– Не думаю, – Борис к чему-то прислушался. – Мне кажется, мы только натоптали там, пока лезли... Тсс!

Но Георгий и без предупреждения уже услышал резкую, отрывистую речь. Японцы, видимо, поняли, что упустили из виду свою цель, и теперь пытались продолжить погоню, рыскающая то тут, то там.

– Уходим, – поманил Борис рукой. – Пока они не заметили эту дыру.

Георгий кивнул и последовал за братом.

Под ногами утробно чавкнуло. Борис, шедший первым, вскинул голову, пытаясь понять, что произошло, и с досадой втянул сквозь зубы тягучий, липкий воздух. На губах появился привкус тухлятины. Болото! Еще не хватало! Лучше ловушку нельзя было придумать! Врагов много, если кто попадет в топь, то его товарищи вытащат. Братья, случись что, не смогут друг другу помочь – только глубже увязнут. И в итоге или утонут, или их тепленькими японцы и возьмут. Нет, лучше уж утонуть – о том, что японцы делают с пленными, он уже достаточно слышал. И если хотя бы десятая часть того, что рассказывали, правда – то да, лучше утонуть...

Георгий застыл, осторожно поводя руками, не решаясь сделать шаг. Ноги медленно, но верно погружались в топь. Борис пытался ухватиться за какое-то чахлое деревце, но то сначалагнулось, а потом и вообще сломалось, расщепив ствол.

– Посох, – громко шепнул Георгий. – Сделай посох.

Борис потянул надломленный ствол на себя, но полоса коры не поддавалась, только ползла ниже и ниже, натягиваясь, как лоскут ткани.

– Быстрее! – поторопил Георгий, поглядывая туда, откуда доносилась японская речь. Она слышалась все отчетливее, и уже можно было разобрать отдельные слова. – Давай же, мы не можем тут торчать!

Борис напрягся и рванул ствол на себя. По ушам мазнул отвратительный визг рвущейся коры – и брат, не устояв на ногах, с размаху, навзничь, ухнул в болото. Жижа раздалась – и тут же сомкнулась вокруг пояса Бориса.

– Ах, черт! – ругнулся тот. Однако палку, в которую теперь превратился ствол деревца, из рук не выпустил и теперь пытался прощупать глубину топи. Результат был неутешительным.

– Борис! – Георгий, уже не заботясь об осторожности, бросился брату на помощь. Первая пара шагов была удачной, но через секунду нога провалилась в пустоту, а за ней в грязь потянуло и все тело.

– Лови! – Борис вытянул в его сторону палку.

Георгий потянулся к ней – не хватало буквально пяди – и, не удержавшись, тяжело перевалился вперед. Еще чуть-чуть – и он бы плюхнулся плашмя, лицом в липкую жижу, но его спасли вовремя выставленные руки. Они тут же ушли по локоть, и Георгию пришлось напрячься, чтобы высвободить их, – это стоило ему двух вершков, на которые ноги ушли в топь.

Однако палку удалось схватить за самый конец, и Борис, пытаясь, подтянул брата к себе.

– Смотри, – указал он, – вон там, где мох, кажется, сухо. Если доберемся, можно будет уйти окольными путями.

– Да здесь везде... окольные... – пробурчал Георгий, отплеываясь. Он не верил оптимизму Бориса. Болото никогда никого так просто не отпускает. И вполне может статься, что там не проплешина сухого брода, а застарелая топь со скелетами сгинувших в ней животных, а то и людей.

– Да не, я уве... – начал Борис, но тут же осекся. – Слышишь? Что это?

Георгий прислушался. Где-то в небе рос и приближался глухой, рокошущий звук – как если бы летний гром, ударив раз, так и не кончался, переливаясь и грохоча.

– Взрыв? – неуверенно спросил он, уже понимая, что не прав. Взрыв был бы резок и отрывист – и уж, конечно, не доносился бы с неба.

Борис, видимо, думал о том же.

– Нет... – растерянно сказал он. – Я слышал такой звук раньше, но не может же быть, что...

Японцы, видимо, тоже почуяли что-то неладное, потому что речь притихла и с их стороны слышался только треск ломаемых веток.

Рокот тем временем нарастал. Из леса в небо вспорхнули стаи вспугнутых птиц. Георгий огляделся – может быть, это всего лишь акустический обман? Такое бывает в горах и старых зданиях, где гуляет причудливое эхо... Так и в этом лесу. Или вон там, в той стороне болота, где на поверхности лопаются пузыри, – может, это в глубине топи взрывается болотный газ?

– Смотри! – Борис ткнул его в бок.

Георгий поднял голову и оцепенел.

Из-за верхушек деревьев, медленно и плавно, как гондола в венецианском канале, выплывал странный предмет. Огромный, наверное, с полсотни саженей, вытянутый, как толстая сигара, серебристого цвета – именно он и был причиной этого странного рокота.

С японской стороны донеслись неразборчивые выкрики. В них слышались страх и растерянность. Кто-то пальнул несколько раз.

– Георгий! – восторженно заорал Борис, вцепившись брату в плечо и совершенно не заботясь о том, что японцы вычислят их местонахождение. – Георгий, мы спасены!

– Что? – у Георгия на мгновение мелькнула мысль, что брат от усталости и перенапряжения сошел с ума. – Спасены? Что это?

– Это дирижабль! – шум с неба усиливался, и Борису пришлось орать брату в самое ухо. – Это ди-ри-жабль!

Георгий переступил с ноги на ногу – и тут же, резко, как на эшафоте, провалился по грудь, потянув за собой Бориса. Тот в этот момент наклонился к его уху и, не удержавшись, макнулся в вонючую жижу до подбородка.

– Это джыжыжабль, – невнятно пробормотал Борис, отплеываясь и вытаскивая брата. – Наш шпашут.

Георгий недоверчиво взглянул на него, схватил за руку и, отбросив в сторону сомнения, потащил к предположительно сухому месту. Все равно помирать – то ли от рук японцев, то ли от этого странного аппарата... Болото дает хоть какой-то шанс.

Мох не обманул. Действительно, это была небольшая земляная проплешина, поросшая чахлым кустарником, но достаточным для того, чтобы укрыться двоим. Георгий вскарабкался на нее и закатился под куст.

– Что это? – отдышавшись, повторил Георгий и ткнул пальцем в летательный аппарат. Борис дернулся было подать наверх какие-то знаки, но Георгий крепко прижал его к земле. – Ты уверен, что это для нас хорошо?

– Совершенно, – быстро забормотал Борис, больше не делая попыток вырваться. – Это дирижабль, не слышал?

Георгий покачал головой. Что-то, кажется, когда-то касалось его слуха... но так, как газетная утка или мимолетная сплетня.

– Секретная разработка графа Цепелина, – пояснил Борис, поглядывая на небо. Аппарат завис практически над ними, медленно, словно нащупывая в небе какие-то ступеньки, опускаясь. – Их в мире всего... да десятка, наверное, еще и нет... Японцы совершенно не в курсе – слишком высокая секретность, следят, чтобы на Восток не ушла информация, даже в Россию. Но с Германией у нас остались тайные контакты... Тем более сам государь... В общем, совершенно точно – прилетели за нами!

– Ты уверен, что это не ловушка? – недоверчиво переспросил Георгий. Ему очень, очень хотелось верить, что все, что говорит Борис, правда, что это действительно спасение... но осторожность не давала ему очертя голову броситься из укрытия.

– Абсолютно, – закивал тот. – Для ловушки это было бы слишком дорого. Да пусть же меня, а то они нас потеряют!

Борис оттолкнул брата и выкатился из-под куста. Вскочил на ноги и стал размахивать руками – он еще что-то кричал, но в диком гуле Георгий не мог разобрать ни слова.

Японцы, видимо, уже пришли в себя, а может быть, сочли, что все равно помирать и терять нечего, – с их стороны послышались выстрелы. Борис пригнулся, но уже секунду спустя замахал с удвоенным жаром.

Что-то мелькнуло у днища дирижабля – и Георгий рывком метнулся к Борису, оттолкнув, повалил на землю.

– Ты что? – с трудом прохрипел брат.

– Там... там что-то скинули, – прошипел в ответ Георгий. – Ты точно уверен, что это не ловушка?

Борис перевернулся на спину и глянул вверх.

– Ну, даже если это и ловушка, то я, пожалуй, в нее залезу, – хмыкнул он.

Георгий поднял голову.

Над ними, покачиваясь и дрожа, висела веревочная лестница.

– Думаю, что это не для японцев, – усмехнулся Борис, вставая и берясь за лестницу. – Давай, чего же ты?

Георгий медлил.

– Но... почему именно так... и для нас? – неуверенно спросил он. – Ты сказал, что это слишком дорогая ловушка – но не слишком ли дорогой выходит и помощь? Кто мы, чтобы нас спасти вот так? Может быть, они нас с кем-то перепутали? Может быть, они за штабс-капитаном? Ты знаешь, кто это может быть?

Со стороны японцев донеслось несколько выстрелов.

– Понятия не имею, – пожал плечами Борис. – Мне кажется, у нас еще будет время и место выяснить.

Свистнула пуля и, чиркнув по лестнице, чуть не вырвала ее из рук Бориса.

– Давай же, – крикнул он, ставя ногу на ступеньку. – Тут точно убьют – а там еще посмотрим.

Георгий вздохнул и тоже схватился за грубую веревку. Брат был уже высоко, и грязь с его сапог сыпалась вниз крупными кусками.

Японцы поняли, что добыча ускользает, – и выстрелы теперь не смолкали. То и дело около Георгия свистели пули, одна даже на излете царапнула ухо – и кровь теплой струйкой полилась за воротник. Тяжелые, не по размеру, с лишними фунтом грязи на каждом, сапоги мешали, тянули вниз, не давая поднять ногу. Георгий, повиснув на вытянутых руках, стал остервенело сдирать ногами сапоги. Судя по тому, что что-то увесистое пролетело через секунду рядом с его головой, брат поступил так же.

Босиком подниматься стало гораздо легче. А вид выскочивших на берег болота и целящихся в них японцев подстегивал, придавая сил и открывая второе дыхание. В несколько сильных рывков братья вышли из зоны досягаемости пуль, а через минуту уже подтягивались, вцепившись в порог дирижабля.

– Мог... ли... бы... и... по... мочь... – с трудом выдохнул Георгий, кулем свалившись на пол. Борис хрипел с тяжелой одышкой рядом.

– Мне кажется, что мы уже вам и так неплохо помогли, – голос, прозвучавший над их головами, принадлежал женщине.

Георгий автоматически вскочил на ноги, спустя секунду его примеру последовал и Борис.

– Прошу прощения, – они синхронно поклонились, искоса глядя на свою спасительницу.

Ее можно было бы назвать красивой – если бы на ней была подходящая ее полу одежда. Мужской костюм, с точки зрения Георгия, никоим образом не подходил даме, равно как и

эта плебейская косынка, небрежно повязанная на короткие, до плеч, светло-русые кудрявые волосы. Будь на ней платье – и Георгий первый бы пригласил эту женщину на танец, сейчас же он приглядывался, прикидывая – суфражистка?

– Мария, – женщина протянула ладонь. – Мария Очеретина.

Борис поцеловал руку, Георгий же осторожно пожал кончики длинных пальцев.

– Мы... – начал он.

– Я знаю, – рассмеялась Мария. – Конечно, на тех фотографиях, что мне показывали, вы выглядели более, ммм... цивилизованно.

Георгий почувствовал, как под бородой и коркой грязи его лицо стыдливо вспыхнуло.

– Ну да не об этом речь, – махнула рукой Мария. – Я по поручению Генштаба. Военный министр решил дать последний шанс вам, Борис...

Тот тихонько охнул.

– ...В общем, – словно не заметив этого, продолжила Мария, – там знают, как можно предотвратить эту позорную капитуляцию, – и для этого нужны вы.

– Я не понимаю... – медленно произнес Борис. – Вы хотите сказать... хотите сказать, что операция «Три рубина»... Ей дали ход?

– Именно так, – кивнула Мария.

– Но... но... – Георгий давно не видел, чтобы брат был так растерян. Бориса колотила нервная дрожь, а кулаки то сжимались, так что белели косточки, то разжимались. – Но это же моя разработка! Я же тогда приносил, я объяснял... По крупичкам собирал! А агенты! Какие агенты! Я же настаивал! А мне сказали, что не время, что не сейчас, что это вообще глупость... Значит, меня просто обвели вокруг пальца? Как мальчишку, как сопляка! Положили под сукно, выпроводили меня восвояси – а теперь кто-то выдаст мою идею за свою! И получит звезду в петлицу! Я ведь знал, что никому там нельзя верить, что каждый только о своем теплом месте хлопочет, да только и думает о том, чтобы повыше продвинуться!

Борис вцепился пальцами в волосы и глухо зарычал:

– Ненавижу! А в глаза так умильно смотрели, бумаги брезгливо перебирали, да еще и приговаривали: «Забавно, забавно, но совершенно нереально... Хорошая фантазия, хорошая, вам бы романы писать...» А теперь кто-то щеголять будет да моей работой хвастаться! Георгий, – схватил он брата за рукав, – ну вот как я мог так обмануться, так глупо поверить им?

– Подождите, – медленно сказал Георгий, обращаясь одновременно и к Борису, и к наблюдающей за этой истерикой Марии. – О чем вообще речь? Что за операция?

Глава 5

Борис, заметив усмешку на лице Очеретиной, сделал попытку взять себя в руки и успокоиться, хотя по его лицу и сжимающимся кулакам было видно, что он ужасно разозлен. Тем не менее он начал рассказывать под свист ветра, бушевавшего со всех сторон в этой странной машине, к которой Георгий никак не мог привыкнуть. Между тем они набирали высоту, и гондолу начало потряхивать из стороны в сторону.

– Еще пять лет назад, уже предчувствуя надвигающуюся мировую войну, я разработал план, который может спасти Россию от позорного поражения, – начал Борис, обращаясь скорее к Георгию, чем к Марии, – которое нас ждет, если ничего не предпринять. Понятно и младенцу, что враг куда сильнее нас в шпионаже и диверсиях, мы же христолюбиво и смиренно не уделяли внимания этому важнейшему участку военных действий. Предпочитали, подобно Свято-славу Храбром, идти в бой с открытым забралом после громогласного: «Иду на вы!» – Борис театрально фыркнул. – Ну и что в итоге? В данный момент мы видим, что чертовы япошки... – он осекся, потому что поймал полунасмешливый, полуукоризненный взгляд Марии, – Япония имеет перевес в этой войне. Но был бы микадо столь же силен без шпионажа и поддержки иностранных партнеров? Добытые нашей разведкой сведения доказывают, что тут много заинтересованных сторон.

Георгий слушал с интересом, исподволь разглядывая дьявольскую машину, которая уносила их все выше и выше от земли. Борис рассказывал не торопясь, но иногда ему приходилось повышать голос, чтобы перекричать налетевший ветер.

– В первую очередь это Америка и Англия, которым, разумеется, выгодно ослабление России, – продолжил Борис. – При этом они понимают, что до Европы японцы все равно не дойдут, зато отвлекут наше государство от европейского фронта. Наши разведчики сообщают, что американцы и англичане снабжают японцев новейшим вооружением, стратегическим сырьем и предоставляют выгодные займы.

– Да, верно, по последним данным, общая сумма займов оценивается примерно в четыреста миллионов долларов, – вставила Мария.

Борис обернулся в ее сторону:

– Даже так?

Она кивнула.

– Неплохая такая поддержка! – присвистнул Георгий.

– Да, также известно, – продолжила Мария, – что на английских верфях для японцев строятся военные корабли.

– А ведь я об этом упоминал в своем докладе, – глухо отозвался Борис, и его лицо снова начало приобретать бордовый оттенок.

– Знаю, я ваши слова и цитирую, – без каких-либо эмоций ответила Мария. – Но мы, разумеется, все проверили и дополнили. Хотя ваша идея сохранена почти в первоизданном виде.

– Вот уж спасибо так спасибо! – гневно прокричал Борис.

– Борис, перестаньте обижаться, – холодно бросила Очеретина. – Мы ведь вас реабилитировали после вашего провала на Сахалине, вы должны быть благодарны. А ведете себя как обиженная девица.

– Реабilitировали и присвоили мой план!

– Не присвоили, а привлекли вас к исполнению. Вы чувствуете разницу? И вас, и вашего брата, который тоже, скажем так, не был успешен при прошлой операции.

Тут уже вспыхнул Георгий. Однако Мария не дала развить эту тему дальше.

– Джентльмены, давайте все-таки к делу! Вам дан еще один шанс, возможно, последний. Я надеюсь, вы это осознаете. Надо признать, мы все во многом ошибались насчет Японии, и тут

не только ваш личный провал. Японцев вообще никто не воспринимал всерьез до недавнего времени, поэтому у нас было так мало данных о них. Может, если бы мы были более осведомлены, эта война была бы совсем иной. С другой стороны, у нас не так много людей, которые бы говорили на местном наречии, а нанятые нами японцы в большинстве случаев оказывались двойными агентами.

– Тут уж вы абсолютно правы, им лучше не доверять! – вставил Георгий. – Так что насчет Европы и Америки?

– Борис, я думаю, вы лучше расскажете о своей идее. Продолжайте.

– Так вот, Япония имеет серьезную поддержку Америки и Англии, кроме того, это военное столкновение выгодно и Германии. Как бы кайзер ни клялся в дружбе нашему царю, я бы не стал ему доверять. Все-таки странный он человек, сумасброд еще тот, от него можно ожидать все, что угодно, да и замашки у него такие, как будто у него в управлении не только Германия, но и весь мир. В общем, в его интересах оттянуть военные силы России от Европы, и особенно от Турции, на которую он уже давно заглядывается. Мы не слышали об официальной государственной поддержке со стороны Германии, – тут он вопросительно посмотрел на Марию, та отрицательно покачала головой, – но немецкие инструкторы занимаются обучением японской армии военным маневрам. Немецкие толстосумы, одуревшие от антиславянских идей, тайно финансируют микадо. Даже Франция якобы сохраняет нейтралитет, несмотря на русско-французский договор, который был подписан в 1892 году, и помогать нам не собирается.

– Они заявили, что договор не распространяется на территорию Дальнего Востока, так как там речь шла только о том, чтобы в случае военной угрозы подтянуть войска к германской границе, – снова вставила Мария.

– Но в данном случае французский нейтралитет выглядит практически как поддержка Японии, мы ведь рассчитывали на их помощь как союзников, – произнес Борис.

– То есть, по сути, против нас, помимо микадо, еще и Америка, Англия, Германия и Франция, – резюмировал Георгий, почесав лоб. Засохшая корка грязи начала осыпаться и тут же была унесена ветром.

– Да, брат, все именно так. Мой план был основан на том, чтобы лишить японцев союзнической поддержки, тогда мы еще сможем выиграть войну. Суть операции «Три рубина» заключается в том, чтобы повлиять на все эти страны через их правителей. За счет собранной агентурной информации было установлено, что это реально осуществить с помощью так называемых «рубинов».

– Да что это за рубины такие, я никак не пойму, – перебил его Георгий.

– Это кодовое слово присвоено болевым точкам, на которые можно воздействовать. Это артефакты, которыми они дорожат, например, новейшее оружие или мистический объект, а может, какие-нибудь секретные сведения. Главное, его исчезновение или уничтожение должно иметь серьезные последствия для правителя и его статуса, вызвать социальные и политические волнения. Ослабление каждой страны приведет к ослаблению антироссийской коалиции в целом, и чем больше «рубинов» – тем больше у России шансов. То есть классический шпионаж, который сперва так не понравился чистоплюям из министерства.

– Это действительно должно помочь? – засомневался Георгий.

– В какой-то мере. Разумеется, это не решение всех проблем одним махом, но если мы сможем приостановить поддержку Японии хотя бы на какое-то время, это даст нам отсрочку в пару месяцев, которая позволит мобилизовать войска с западных границ. И тогда мы еще посмотрим, кто выиграет в этой войне! Я уверен, у каждого человека, а тем более у политического деятеля или правителя страны есть свое больное место, свой «рубин», который мы можем использовать против него. А название такое я дал для конспирации, это такой поэтический код. У древних поэтов «рубинами» назывались родинки – как капельки крови. Сковырнешь – и все, человек – покойник. Понял теперь?

– Идею-то я понял, но что это конкретно за больные места, что за артефакты? У кого – какой? – спросил Георгий, крепко держась за канат.

– Да откуда мне знать! – огрызнулся Борис. – Меня к тому времени уже отстранили от важных операций, так что мне неизвестно, за счет чего можно повлиять на глав государств. Я же говорю, это может быть все, что угодно: женщина, ребенок, драгоценность, компромат... Важна стратегия – найти нечто важное для правителя и использовать это против него. Вы ведь сказали, что доработали мой план, верно? – обратился он к Марии. – Вот вы мне и скажите, что за «рубины»? Согласно моему плану, наши разведчики должны были внедриться в верхушку каждой из трех стран – правительство, масонские ложи, элиту промышленников, творческие и божественные кулуары, аристократические круги и, используя полученные связи, добраться до «рубина» и воздействовать на самого правителя с целью устранить его влияние на Японию.

– Я должна заметить, – как бы издалека начала Очеретина, – в данный момент мы как раз на стадии поиска этих самых «рубинов». На самом деле сбор информации осложняется тем, что у нас нет единой системы взаимодействия всех ведомств разведки. То есть каждое ведомство имеет свою разведывательную структуру, которая обслуживает интересы ведомства. Например, военное и военно-морское ведомства никак не взаимодействуют между собой. Теоретически это осуществимо, но, так как выходит за рамки обычной практики, может отнять слишком много времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.